

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, подъ редакціей и съ объяснительными примѣчаніями П. О. Морозова. Семь томовъ. Спб. 1887 г. Цѣна 6 рублей.

Едва ли найдется—не только у насъ на Руси, но и въ цѣломъ мірѣ — писатель, произведенія котораго имѣли бы такую своеобразную судьбу, какаѣ выпала на долю сочиненій Пушкина. То, что онъ могъ напечатать самъ, далеко не всегда являлось въ свѣтъ въ томъ видѣ, въ какомъ это желательно было автору; но, повуда онъ былъ живъ, по-крайней мѣрѣ, онъ самъ былъ редакторомъ своихъ произведеній, могъ исправлять и передѣлывать ихъ соотвѣтственно внѣшнимъ условіямъ литературы. Тотчасъ послѣ смерти поэта, всѣ бумаги, найденныя въ его квартирѣ, были опечатаны по распоряженію Л. В. Дубельта, подписи котораго врасуются на всѣхъ пушкинскихъ тетрадахъ. Не попало въ опись только то, что въ моментъ появленія опекуновъ находилось въ чужихъ рукахъ, и не было возвращено по принадлежности. Затѣмъ бумаги Пушкина (за исключеніемъ, впрочемъ, первой книги его дневника, погибшей, повидимому, безслѣдно) были переданы тѣмъ лицамъ, которымъ было поручено приготовить „посмертное“ изданіе его сочиненій. Во главѣ этихъ лицъ, въ первое время, стоялъ Жуковский, который и принималъ на себя трудъ выбора и „приспособленія“ пушкинскихъ стиховъ и прозы для печати. Каково было иногда это приспособленіе—можно видѣть на извѣстныхъ примѣрахъ „Памятника“, „Мѣднаго Всадника“, „Сказки о попѣ и его работникѣ“; чаще же всего оно состояло въ простомъ вычеркиваніи „лишнихъ“ мѣстъ. Особенно пострадала при этомъ „посмертная“ проза Пушкина: его журнальныя статьи, критическія замѣтки, наброски неоконченныхъ повѣстей и даже вполне законченныя произведенія, какъ напримѣръ, „Дубровскій“ явились въ печати или въ видѣ жалкихъ, безсвязныхъ отрывковъ, или со всевозможными искаженіями. Послѣднія, помимо условій цензурныхъ, объясняются еще и другими причинами. Жуковский, уѣзжая изъ Петербурга въ путешествіе съ Наслѣдникомъ, долженъ былъ оставить свою работу надъ изданіемъ и поручить редакцію людямъ, очень мало подготовленнымъ для таковаго дѣла. Новые редакторы отдали приготовленныя къ изданію рукописи писарямъ, которые при перепискѣ надѣлали мно-

„Дѣло“, № 1. Январь 1887 г. отд. II.

жество ошибокъ, пропусковъ и т. п.; наконецъ, огромное количество ошибокъ, иногда крайне грубыхъ, было сдѣлано въ печати небрежною корректурою. Такимъ образомъ, посмертное изданіе сочиненій Пушкина было, можно сказать, во всѣхъ отношеніяхъ образцомъ того какъ *не слѣдуетъ* издавать писателя. А между тѣмъ, въ продолженіе 17 лѣтъ оно было единственнымъ, такъ какъ изданія, сдѣланныя самимъ Пушкинымъ, давно уже всѣ разошлись...

По окончаніи „посмертнаго“ изданія, подлинныя рукописи поэта были возвращены его наслѣдникамъ; но цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ прошло прежде чѣмъ П. В. Анненковъ могъ получить доступъ къ этимъ рукописямъ, и воспользоваться ими для новаго изданія сочиненій Пушкина, вышедшаго въ 1855—57 годахъ. Это изданіе, которое нельзя даже и сравнивать съ посмертнымъ, какъ двѣ величины совершенно несоизмѣримыя, въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ служило основою для всѣхъ позднѣйшихъ изданій, такъ какъ подлинныя рукописи поэта снова надолго сдѣлались ниѣкому недоступными. Съ конца 50-хъ годовъ въ разныхъ журналахъ стали появляться неизвѣстныя прежде произведенія Пушкина, печатавшіяся отчасти по спискамъ (иногда очень невѣрнымъ), отчасти—по тѣмъ немногимъ автографамъ, которые случайно избѣжали упомянутой выше опеки. Нѣкоторые изъ этихъ автографовъ поэта сдѣлались общимъ достояніемъ, поступивъ въ Императорскую Публичную Библиотеку; но наибольшая и самая важная часть пушкинскихъ бумагъ все еще оставалась неприкосновенною, а новые издатели — Г. Н. Геннади и П. А. Ефремовъ, — лишь отчасти исправляя и дополняя текстъ, напечатанный г. Анненковымъ, лишены были возможности провѣрить его по тѣмъ документамъ, которые были въ его распоряженіи. Между тѣмъ, изданіе г. Анненкова заключало въ себѣ много существенныхъ недостатковъ, обусловливаемыхъ просто недостаточно внимательнымъ отношеніемъ издателя къ пушкинскому тексту. Г. Анненковъ, — можетъ быть, и вынужденный въ этомъ слѣдствіемъ работы, — все свое вниманіе сосредоточилъ на стихотвореніяхъ Пушкина, оставивъ прозу почти въ томъ же самомъ искаженномъ видѣ, въ какомъ она впервые явилась въ „посмертномъ“ изданіи; да и въ отдѣлѣ стихотвореній не считалъ нужнымъ приводить (хотя бы въ „Матеріалахъ для біографіи Пушкина“) всѣхъ черновыхъ набросковъ, очень часто имѣющихъ важное біографическое значеніе, а выбиралъ изъ нихъ только то, что ему казалось нужнымъ. Не говоримъ уже объ ошибкахъ въ чтеніи текста, иногда очень странныхъ*), о произвольныхъ сокращеніяхъ, пропускахъ и т. п. Все это неизбѣжно повторялось слѣдующими издателями и, вмѣстѣ съ невольными искаженіями, портило иногда лучшія страницы Пушкина. *Только въ 1880 году, послѣ открытія памятника поэту*, рукописи, которыми пользовался г. Анненковъ (впрочемъ, не всѣ), были переданы въ Румянцевскій музей, — къ сожалѣнію, уже поздно для памятника, такъ какъ на немъ

*) Приведемъ только одинъ примѣръ. У Пушкина было написано (V, 83): „Одинъ изъ остроумнѣйшихъ людей XVIII-го столѣтія предсказалъ камеру де-путатовъ“; у г. Анненкова напечатано: „Предсказалъ могущество Россіи“.

отчеканены пушкинскіе стихи въ передѣлѣ Жуковскаго; но и здѣсь въ первое время онѣ были предоставлены въ исключительное распоряженіе издателя „Русскаго Архива“, П. И. Бартенева, который и началъ печатать въ своемъ журналѣ отрывки изъ нихъ. Только три года спустя г. Бартеневъ отказался отъ этой привилегіи доступа къ бумагамъ Пушкина, и онѣ поступили, наравнѣ съ прочими сокровищами музея, въ общее пользованіе. В. Е. Якушкинъ разобралъ ихъ и составилъ подробное и обстоятельное ихъ описаніе, въ которомъ указано содержаніе каждой страницы этихъ драгоценныхъ тетрадей („Русск. Старина“ 1884).

Комитетъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, въ виду наступающаго пятидесятилѣтія со дня смерти Пушкина, предпринялъ новое изданіе его сочиненій, поручивъ редакцію П. О. Морозову. При этомъ имѣлось въ виду, во-первыхъ, дать по возможности полный, и тщательно провѣренный по подлиннымъ рукописямъ, текстъ произведеній великаго поэта и, во-вторыхъ, представить пособіе для занимающихся изученіемъ какъ самого Пушкина, такъ и пушкинской эпохи вообще. Составленная въ этомъ смыслѣ подробная программа изданія была рассмотрѣна и одобрена Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Такимъ образомъ, существенное отличіе этого новаго изданія отъ всѣхъ прочихъ—какъ прежнихъ, такъ и остальныхъ, которыя появились теперь въ день пушкинской годовщины,—заключается въ *вѣрности текста*, въ томъ, что здѣсь впервые является *подлинный* Пушкинъ. Всѣ произведенія поэта, впервые явившіяся въ печати послѣ его смерти, пересмотрѣны, исправлены и дополнены по его автографамъ, хранящимся въ Румянцевскомъ музеѣ и петербургской Публичной Библиотекѣ; кромѣ того, произведенія, требовавшія объясненій, снабжены сжатыми, но обстоятельными примѣчаніями біографическими, бібліографическими и историко-литературными. Здѣсь, между прочимъ, указаны заимствованія изъ писателей русскіхъ и иностранныхъ и подражанія имъ, сообщены свѣдѣнія о лицахъ и фактахъ, имѣющихъ отношеніе къ данному произведенію, или послужившихъ для него поводомъ, и отмѣчены критическіе и полемическіе отзывы о сочиненіяхъ Пушкина, явившіеся въ печати при его жизни. Произведенія расположены по отдѣламъ, но въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ соблюдень строго-хронологическій порядокъ; кромѣ сочиненій Пушкина, сюда вошли также и его письма (около 500), причемъ этотъ отдѣлъ, сравнительно съ изданіемъ 1882 г., значительно дополненъ. Въ концѣ каждаго года помѣщены черновые отрывки и наброски, отчасти уже извѣстные въ печати, отчасти впервые напечатанные по рукописямъ. Наконецъ, при VII томѣ, приложенъ подробный указатель лицъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ текстѣ и примѣчаніяхъ (чего раньше ни въ одномъ изданіи не бывало), хронологическій и бібліографическій списокъ всѣхъ произведеній Пушкина и дополнительныхъ примѣчанія, куда вошли разные варианты, добавленія и поправки.

Сравнивая это новое изданіе сочиненій Пушкина съ прежними, и съ „Описаніемъ“ г. Якушкина, нельзя не замѣтить значительнаго количества поправокъ и дополненій къ пушкинскому тексту, иногда существенно его измѣняющихъ. Такъ, изъ числа легкихъ

стихотвореній исправлено или дополнено 56 (преимущественно лицейскихъ); изъ поэмъ и драмъ исправленія внесены въ текстъ „Бориса Годунова“, „Русалку“, „Каменнаго Гостя“, „Родословную моего героя“, „Евгенія Онѣгина“ и т. д. Нѣкоторые изъ этихъ поправокъ оказываются очень интересными. Таково, напримѣръ, окончаніе „Бориса Годунова“, которое было измѣнено Пушкинымъ потому, что его нашли „предосудительнымъ“ въ политическомъ отношеніи: въ первоначальномъ текстѣ пьесы, послѣ словъ Мосальскаго къ народу: „Что же вы молчите? кричите: да здравствуетъ царь Димитрій Ивановичъ!“ — народъ *кричитъ*, что ему сказано, а не *безмолвствуетъ*, какъ было поставлено въ прежнемъ изданіи. Первоначальная редакция, въ которой народъ, не разсуждая, привѣтствуетъ самозванца, вполне согласуется съ характеристикой того же народа въ сценѣ на Дѣвичьемъ Полѣ, гдѣ онъ плачетъ, а о чемъ — „то вѣдаютъ бояре“... Намъ кажется, что г. Морозовъ напрасно отнесъ эту первоначальную версію въ подстрочное примѣчаніе, оставивъ въ текстѣ прежнюю фразу о безмолвіи; точно также и заглавіе пьесы „Борисъ Годуновъ“ слѣдовало бы замѣнить полнымъ пушкинскимъ титуломъ: „Комедія о настоящей бѣдѣ Московскому Государству, о царѣ Борисѣ и о Гришѣѣ Отрепьевѣ“. Пушкинъ очень настаивалъ на этомъ заглавіи...

Изъ другихъ поправокъ отмѣтимъ характерный стихъ въ послѣдней строфѣ извѣстной пьесы: „Къ морю“:

Миръ опустѣлъ... Теперь куда же
 Меня бъ ты вынесъ, океанъ?
 Судьба людей повсюду та же:
 Гдѣ капля блага, тамъ на стражѣ
 Иль *просвѣщенъ*, плъ тиранъ.

Въ прежнихъ изданіяхъ печаталось: „*непросвѣщенъ*“... и даже: „*коварство, злоба и тиранъ*“. Издатели, очевидно, смущались неблагопріятнымъ отзывомъ поэта о „просвѣщеніи“, забывая, что написанные въ то же время монологи Алеко высказываютъ совершенно такіе же взгляды.

Совершенно новаго, въ сравненіи съ тѣмъ, что появилось уже въ журналахъ (особенно въ „Русской Старинѣ“) послѣ 1882 года, въ отдѣлѣ стихотвореній немного: всего *семь* пьесъ; но двѣ изъ нихъ очень характерны и въ біографическомъ, и въ бібліографическомъ отношеніи. Въ числѣ автографовъ Пушкина, принадлежащихъ Императорской Публичной Библіотекѣ, находится рукопись, которою уже неоднократно пользовались издатели Пушкина, — между прочимъ и г. Ефремовъ, — а никто до сихъ поръ не замѣтилъ въ ней слѣдующаго прекраснаго по мысли и по формѣ стихотворенія (I, 230):

Мнѣ васъ не жаль, года весны моей,
 Протекшіе въ мечтахъ любви напрасной;
 Мнѣ васъ не жаль, о тайнства ночей,
 Воспѣтыя цѣвницей сладострастной;

Мнѣ васъ не жаль, невѣрные друзья,
Вѣнки пировъ и чаши круговыя;
Мнѣ васъ не жаль, измѣнницамъ младыя, —
Задумчивый, забавъ чуждаюсь я.

Но гдѣ же вы, минуты умиленья,
Младыхъ надеждъ, сердечной тишины?
Гдѣ прежній жаръ и нѣга вдохновенья?..
Придите вновь, года моей весны!..

Юрзуфъ, 20 октября 1820 г.

Другое упомянутое нами стихотвореніе—черновой отрывокъ, начинающійся словами: „Еще одной высокой, важной пѣсни внемли, о Февъ“... (II, 85) находится въ рукописи Румянцевскаго Музея, но, какъ оказывается, не было разобрано г. Якушкинымъ. Объемъ настоящей замѣтки не позволяетъ намъ привести здѣсь эту пьесу, очень интересную, какъ исповѣдь поэта передъ самимъ собою.

Переходя къ отдѣлу прозы, убѣждаемся, что онъ, дѣйствительно, больше всего пострадалъ отъ небрежности прежнихъ издателей или даже отъ предвзятаго невниманія ихъ къ пушкинской прозѣ. Всѣ повѣсти, кромѣ напечатанныхъ самимъ Пушкинымъ, являлись до настоящаго изданія съ пропусками и искаженіями, часто очень значительными, и притомъ вовсе не зависѣвшими отъ условій цензурныхъ. Въ особенности пострадалъ „Дубровский“, въ которомъ были переставлены цѣлые куски одинъ на мѣсто другого, и разные отрывки неоконченныхъ повѣстей, изъ которыхъ иные являются теперь совершенно неузнаваемыми. Изданныя послѣ смерти Пушкина, въ разное время, статьи и замѣтки критическія, полемическія и историческія (вошедшія теперь въ составъ V-го тома), печатались съ небрежностью просто поразительною,—и здѣсь рука цензуры, опять-таки, была виновата гораздо менѣе, чѣмъ рука издателей, слишкомъ легкомысленно смотрѣвшихъ на этотъ отдѣлъ сочиненій Пушкина,—отдѣлъ, чрезвычайно важный для историка нашей литературы. Редакція новаго изданія не перечисляетъ въ предисловіи всѣхъ своихъ поправокъ; но уже одного бѣглаго сравненія V-го тома нынѣшняго изданія, напримѣръ, хоть съ V-мъ же томомъ изданія 1882 г. достаточно, чтобы съ увѣренностью сказать, что кромѣ статей, напечатанныхъ самимъ Пушкинымъ въ разныхъ журналахъ, всѣ остальные являются какъ бы совершенно новыми,—до такой степени значительны внесенныя въ нихъ дополненія и поправки. Для литературной біографіи Пушкина особенный интересъ представляютъ его „Критическія замѣтки“, „Разговоры“ и прибавленія къ статьѣ: „Мысли на дорогѣ“ (о русской литературѣ).

Въ VI-мъ томѣ помѣщена „Исторія пугачевскаго бунта“, въ томъ видѣ, въ какомъ она напечатана самимъ Пушкинымъ, и со всѣми приложеніями перваго изданія; но примѣчанія, не попавшія при Пушкинѣ въ печать, внесены на соответствующія мѣста и исправлены по рукописи.

Въ VII-й томъ вошли письма. Этотъ отдѣлъ, сравнительно

съ изданіемъ 1882 года, дополненъ семейною перепискою поэта и нѣсколькими новыми письмами, уже печатавшимися въ журналахъ, или извлеченными изъ черновыхъ рукописей.

Такимъ образомъ, изданіе Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ представляетъ насколько возможно полный и вѣрный, подлинный пушкинскій текстъ. Въ этомъ—его существенное достоинство и его право на особенное вниманіе публики. Къ сожалѣнію, внѣшняя сторона изданія не безупречна; особенно неприятны плохой шрифтъ и недостаточная тщательность корректуры, тѣмъ болѣе, что изъ опечатокъ оговорены только важнѣйшія.
